

ДОЛГАЯ ДОРОГА В ДЮНАХ

20 лет назад
именем Марты
русские бабы
называли
новорожденных
дочек.

Этот фильм стал такой же неотъемлемой частью Прибалтики, как песни Паулса, пляжи Юрмалы и тягучий рижский бальзам. Наш ответ "Унесенным ветром" — история о войне и любви, родившейся среди песчаных холмов. Там, где сосны подпирают небо и шумит холодное море. Русские бабы, семь вечеров подряд прорывавшие у телевизоров, называли новорожденных дочек и сыновей Мартами и Артурами. И, пожалуй, единственное, что осталось еще у России и Латвии от общего советского прошлого, — эти уже 20-летние дети с чудными заморскими именами. А мы все так же бредем навстречу друг другу по "Долгой дороге в дюнах".

Сначала старик не любит приезжую, считает ее врагом, но потом понимает, что Марта — хорошая женщина, и начинает заботиться о ней как о родной.

У Лилиты-Марты в Риге осталась крошечная дочка Лилиана, поэтому она искренне привязалась к мальчонке, который играл ее сына. Четырехлетний латыш ни слова не знал по-русски.

— И вдруг однажды пацаненок исчезает. Кругом непроходимые леса, где его найдешь? Как обьяснить потом с родителями? — восклицает Иван Рыжов. — Оказывается, деревенские задрезали нашего парня фашистом. Он как-то понял это слово, убежал весь в слезах, заблудился в лесу, продрог. Еле его отыскали. Эта история тоже вошла в фильм.

— Я не сдерживаю слез, когда слышу песенку, которую Марта напевает Эдгару в ссылке. "За печкою поет сверчок" — так же и я шептала своему сынишке, когда меня бросил муж. Это Алик подслушал мою колыбельную одиночества, — уверена Лония.

К концу работы малыш осмелел, учил новых друзей латышскому языку.

— Но будущее мальчика было печальным. Его

Унесенные Ветром

Ромас-Рихард: "Лилита держала со мной дистанцию, как и ее героиня".

Главные герои
фильма
соперничали
не только в кино,
но и в жизни

В жизни актер Юозас Киселиус был тоже настоящим джентльменом.

Лилита Озолина любит собак и одиночество.

У Ромаса судьба сложилась удачно: новая жена и новая жизнь.

родная мама умерла сразу после съемок, — говорит Лилита Озолина. — Я навестила своего "сынишку" пару раз, но вскоре его отец снова женился, и следы "Эдгара" затерялись.

Свобода — это слишком

"Рижская киностудия по заказу Гостелерадио" — в декабре 81-го поток писем с таким забавным адресом захлестнул Латвию.

Никто не ожидал, что картина будет иметь сокрушительный успех. Благосклонность критики, государственная премия...

— Ее получили все главные актеры, кроме меня, — усмехается Ромас Романукас — Рихард. — Я же был отрицательным персонажем. После этого в жизни началась черная полоса. Я впал в депрессию, расстался с женой, выпивал. Сегодня я горжусь, что так получилось, и все в жизни пробивал все сам. Это закаляет характер. Сейчас играю в театре вполне достойную меня роль — Бога в спектакле "Гость". Женат на очаровательной женщине — правда, банально женат, всего второй раз. Но тогда казалось несправедливым — как же, официальное признание досталось другим! Да если бы не мой герой и не его благородство, откуда бы там взялся хеппи-энд?

Седовласый Рихард по делам бизнеса приезжает в Россию, в Иркутск, где одиноко живет с сыном Марта. Она думает, что отец ее ребенка погиб на войне. И не хочет возвращаться в Латвию, к людям, которые ее судили. Но Рихард уверяет ее, что Артур жив.

— Это был символический жест. В жизни так не бывает! — усмехается Ирина Черевичник, редактор фильма. — Кто бы пустил в Союз бывшего врага, ведь Рихард служил в гитлеровской армии? Но мы так хотели, чтобы именно он вернул Марте надежду на счастье.

"Для счастья человеку нужно совсем немного: родина, любовь и свобода. У меня осталось только последнее", — говорит герой Романукаса в сценарии.

Слово "свобода" цензоры безжалостно вычеркнули. Посчитали, что это слишком.

Катком по кино

— Сейчас я понимаю, что для семейного счастья нужно выбирать никогда не предающих Рихардов. Но тайна, которая была в глазах Юозаса-Артура, притягивает все равно, — грустит помудревшая Лилита-Марта.

Юозас Киселиус — Артура не стало десять лет назад. Ему исполнилось всего сорок один год.

— Юозас так переживал, что его правильные герои в наше время уже никому не нужны. Это киноленте вроде меня требуются всегда, — вздыхает Ромас Романукас. — У него развился сложный, закрытый порок сердца. Юозас даже умер как джентльмен — сидел на стуле в больнице и, увидев женщину-врача, резко поднялся ей навстречу. И тут же упал. Слабые сосуды...

Актер Эдуард Павулс — по фильму вредный отец Марты — в начале 90-х поверил в наступившую свободу, записался в народное ополчение, надел пятипалую форму. Но новая власть, по слухам, подарив идеи, отобрала прежние советские льготы. С тех пор народный артист республики разочаровался в любых переменах, уехал жить под Юрмалу, на дальний хутор, и почти ни с кем не общается.

Режиссер Алоиз Бренч умер в одночасье от обширного инфаркта. Последние годы он трудился в жилищной комиссии рижской Думы. И правые, и левые нередко критиковали его за "Долгую дорогу" — каждый видел в фильме искажение фактов.

В день похорон его могилу на кладбище усыпали белыми каллами — цветами любви и смерти. Его последний фильм о монахине Анне — полный тайн и роковых предсказаний — мало кто видел. Он снял по заказу католической церкви. Одну из главных ролей в нем опять сыграла Лилита Озолина.

Когда-то все они мечтали снять продолжение "Долгой дороги". Ведь в первой части главные герои так и не встретились. Сценарий был готов, средства выделены, но тут Советский Союз распался, и кино свободной Прибалтики стало уже не нужно.

Бывшие звезды с породистыми "европейскими" лицами — они надеялись прорваться в Голливуд. Но там хватало своих шпionов и аристократов. Кто-то теперь поет в ночных кабаках, кто-то снимается в дешевых сериалах. Павлинонь знаменитой Рижской киностудии переделали под каток.

— "Долгой дороге в дюнах" 20 лет? А мы совсем забыли, — узнаваемый прибалтийский акцент, чуть снисходительный и почти заграничный. — У нас не любят прошлое. И ваше кино покажут редко. Это не выгодно. Мы стали совсем другими. Только вы, русские, по-прежнему наивны и сентиментальны...

Екатерина САЖНЕВА.
Рига — Москва.

Карьера снежной королевы

Недавно актриса Лилита Озолина приезжала в Россию, на гастроли с рижским театром. В обычной московской булочной ее обступили покупательницы: "Здравствуйте, Марта! Как у вас дела?"

— Меня часто называют именем героини из "Долгой дороги". Я не удивляюсь, эта роль действительно много значила. Те тяжелые пути и разлуки, которые пришлось пройти Марте, — они у каждого свои. Мой отец был военным летчиком в 30-е годы. Его сослали как врага народа. Мать следовала за ним по лагерям, и моя старшая сестра Вия умерла во время переездов.

Двадцать лет назад, сразу после премьеры, на Лилиту обрушилась всеобщая слава. Ее дочь репрессированного, выпустили за границу. Газеты лестили, называя "латышским солнцем". Она и сейчас "номер один" в Латвии. Дни расписаны по секундам: чуть ли не на год вперед: работа в театре, в студии ее имени, где создают имидж известным латышским политикам и бизнесменам.

— Многие изменилось, но я знаю, что в России этот фильм до сих пор любят. А благодаря человеку, который снял "Долгую дорогу", я пришла в кино.

"В Италии есть Феллини, в России есть Рязанов, а у нас — Алоиз Бренч", — так говорили в Латвии про автора "Долгой дороги в дюнах".

Алоиз Бренч. Самый известный в Советском Союзе кинорежиссер-детективщик. Единственный, кто снимал фильмы про запретную западную жизнь: "Мираж", "Двойной капкан", "Шах для королевы бриллиантов".

Со стороны Лилита кажется неприступной. Настоящая северная сдержанность. Она всегда оставалась для Алоиза Бренча больше, чем просто актрисой. Он для нее — больше, чем режиссер.

— Алик виновен в судьбе моей жизни, — Лилита путает русские слова. И в этом тоже есть какая-то нездешняя прелесть. — Я училась в последнем классе, мечтала стать врачом, когда он пригласил меня в свой первый художественный фильм. "Поступить в медицинский успешней", — убеждал меня Алик. Он был моим близким другом. Играя Марту, я рассказывала Алику детские воспоминания, и он все время повторял: "Делай то, что чувствуешь. Ты лучше меня знаешь, как это было!"

Ты богачка, я — рыбак

В начале был сценарий. Пухлая папка с набросками то ли затанцовавшего рассказа, то ли незаконченного романа...

Олег Руднев. Главный комсомольский вожак курортной Юрмалы — должность такая, что до звезд легко рукой достать. Именно он вызвал "на ковер" прославленного режиссера: "Поставьте по моему сценарию многосерийный фильм!"

Бренч прекрасно понимал, что ему дают карт-бланш. "Семнадцать мгновенных весны", "Тени исходят в полдень" и "Вечный зов" — улицы вымирали, когда шли первые отечественные телесериалы. Но в союзных республиках подобного еще не делали.

— Если бы не Олег Руднев, фильм бы прикрили, — утверждает Ася Бренч, вдова режиссера. — Именно он обеспечил поддержку Гостелерадио, встречал из Москвы бесконечных консультантов "в штатском" — генералов КГБ. В огромных количествах Олег глотал коньяк и кофе, пытаясь оставить в картине самые острые моменты. Ведь темы, которые там затрагивались, на тот момент казались совершенно не подлежащими обсуждению.

Люди, разделенные сословными и классовыми предрассудками, любят друг друга. Глупая ссора и разрыв. Она выходит замуж за обожающего ее негодяя. Он остается у разбитого корыта, не зная, что где-то растет сын.

И долгожданная встреча через тридцать лет, сквозь лихолетье и лишения, сквозь Балтику и Сибирь...

— Эта история могла произойти в любом месте и в любое время. Но в ней не было Латвии, этого воздуха, этого моря. Все очень условно, — продолжает свой рассказ Ася Бренч. — Руднев уехал в Москву, чтобы найти человека, который смог бы эти наброски профессионально переписать.

"В жизни мы тоже любим одну женщину"

Московского сценариста Дмитрия Василиу привезли в Ригу. Режиссер ездил с ним на взморье, на хутора. Они вместе бродили по узким улочкам Старого города.

— Я почувствовал характер этой страны, ее желание свободы, — размышляет Дмитрий Георгиевич. — Иногда мне говорят, что латыши в фильме мало-эмоциональные и холодные. Артур, решив, что любимая девушка ему изменила, — дает ей пощечину и не разговаривает с ней много лет. Марта, несмотря на безумную любовь Рихарда, не отвечает взаимностью. "Наши женщины так бы не постыдили!" — негодовали в письмах. Но в том-то и дело, что я писал не о русских, у которых все на виду, а о закрытых и сдержанных прибалтах.

Экранной любовью Лилиты Озолина стал Юозас Киселиус — бедный рыбак Артур. Он правлен и негибем. Но жалостливые телевизорщицы больше соперничали его "моральным противнику" — киношному мужу Марты, фабриканту Рихарду. Его сыграл 29-летний литовец Ромас Романукас.

— Мы с Юозасом-Артуром из Вильнюса, — вспоминает теперь Ромас. — Многие были против, чтобы роли в латышском фильме исполняли литовские актеры. Хотя у нас и школа, и темперамент по-сильнее будут. В конце концов Бренч настоял на своем. Он взял мои фотографии, Лилиты, Киселиуса и просто прикинул, как наши лица смотрятся рядом.

Юозас и Ромас — одноклассники. Учились на одном курсе театральной факультета, были друзьями.

— Скорее соперниками, — смеется Ромас. — Мы, еще студенты, влюбились в одну и ту же девушку, ухаживали за ней. Точно так же, как Артур и Рихард. Юозас был положительный, справедливый. И тут я со своим амлупа циником, не лишеном обаяния. — Кто же победил не в кино, а в жизни? — У реальной девушки был хороший вкус. Она стала моей первой женой.

Еще идут старинные часы

Хозяйка квартиры, говорливая Лония, зажигает рождественскую свечу, ставит ее возле портрета своего брата — режиссера Алоиза Бренча. Это традиция.

И заводит старые часы — традиция. — Эти часы в нашей семье еще от дедушки, — объясняет Лония. — Алик любил слушать их. Их мелодия, как тоскливый крик чаек.

Снимая "Долгую дорогу", Бренч отнес старинные часы Раймонду Паулсу и попросил его сочинить мотив, похожий на их бой.

— Моя мелодия перекликается с изумительной итальянской темой из "Крестного отца", — вспоминает Паулс. — Я верил, что, слушая эту музыку, люди поймут боль маленького старика, стоявшего на пути больших и сильных государств. Я был еще пацаном, когда в Ригу попеременно входили то русские, то немцы. Мы не виноваты, что не в силах сопротивляться, а лишь терпеть и молчать.

Алла Пугачева упростила маэстро подарить ей эту мелодию и сделала из нее шлягер "Я вам спою еще на бис". Бренч посчитал, что лейтмотив фильма украли, и на долгие годы порвал отношения с композитором.

зитором.

— Я возвожу эти старинные часы и вспоминаю маму, — говорит Лония, сестра режиссера. — Ведь Марта из кино — это наша мама. Ее характер, ее судьба. В маму был влюблен богатый офицер, но она осталась с отцом. Пожертвовала всем ради нас с братом.

Семья Бренчей бедствовала. В войну детей — Алоиза и Лонию — отдали в батраки на хутор Витрупе. — Страшные годы. Мы пасли скот, а хозяйка нас не любила и издевалась над нами, — до сих пор переживает Лония. — Одно было счастье, вечерами выходить через сосны к дюнам и вглядываться в море...

Именно сюда, в Витрупе, вернется режиссер через тридцать лет в поисках природы для "Долгой дороги". По всему побережью он разыщет скелеты старых лодок, восстановит их, и они снова выйдут за рыбой.

И звезды падали

К возмущению прибалтийских националистов, в фильме нет советских танков, входивших в Ригу в 40-м году. Это осталось за кадром. Лишь веселые советские песни слышит по латышскому радио Марта, прижимая к груди в далекой Германии маленького Эдгара.

В упрек Бренчу ставили и еще один эпизод. О том, как уничтожали гитлеровцы зажиточных рижских евреев. Нередко их сдавали сами латыши, чтобы занять красивые дома.

— Теперь война, и в Риге много пустых квартир. Распалагастей, Марта. Хозяйка сюда больше не вернется... На ковре валяется плюшевый мишка, на стене — фотография темноволосой девочки.

— На снимке Шарлотта, детская любовь Бренча. Он где-то отыскал ее старую карточку! — вспоминает Ирина Черевичник, редактор. — Они жили в Риге в одном дворе. Когда немцы пришли за евреями, Шарлотту выдал сосед. Она даже не плакала, только смотрела в глаза Алику, который стоял неподалеку.

Девочке нашили на грудь желтую звезду и увели в газовую камеру. Всю свою жизнь Алик сожалел о том, что не смог ее спасти.

— Эту киноленту в Латвии до сих пор обвиняют в том, что в ней продемонстрирован советский подход к нашей истории. Люди не представляют, как сложно было в те годы показать хоть какой-то краешек правды, — говорит Тамара Лоренц, вдова Виктора Лоренца, главного консультанта картины.

Сценарист Виктор Лоренц был лучшим "фашистом" советского кинематографа. С лицом истинного арийца, надев на глаз черную повязку, он расстреливал комиссаров в "Судьбе человека" Сергея Бондарчука.

— Отец Виктора — профессиональный политик. Находился в оппозиции ко всем режимам и из-за этого пересидел во всех тюрьмах, — усмехается Тамара Лоренц. — Нас как близких родственников вызывали в "Угловой дом" — рижский КГБ. Виктору легко было консультировать "Долгую дорогу" — о репрессиях и ссылках он знал не понаслышке.

Сверчок за печкой

Сибирь, куда сослали "добрые земляки" Марту, обвинив ее из-за брака с Рихардом в связях с фашистами, снимали в Карелии. В глухой деревушке посреди непроходимой чащи, лютый зимой. Километрах в ста вокруг ни души — ни телевизоров, ни магазинов, ни гостиниц. Деревенские сами пекли хлеб, доили коров — так и держались.

Наши русские актеры к подобным приключениям давно привыкли, но для цивилизованных латышей наступил конец света. Как это — удобства во дворе!

— Каждый день съемочная группа поднималась затею и часа три тряслась на автобусике из Петро-заводска до места съемок, — вспоминает Иван Рыжов — дед Митяй, приотвистив сыновью Марту. — Мне моя роль нравилась — очень она достоверная.